

ДВОЙНОЕ ДНО

ВСЕ НЕ ТАК, КАК КАЖЕТСЯ

ЭММА

УЭНДИ УОКЕР

В

НОЧИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
У62

Wendy Walker
EMMA IN THE NIGHT

Серия «Двойное дно: все не так, как кажется»

Печатается с разрешения Midlife Productions II, Inc.
и литературных агентств Wendy Sherman Associates, Inc.
и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Перевод с английского *Виктора Липки*

Оформление обложки *Яны Паламарчук*

Фото автора на обложке — © Bill Miles

Уокер, Уэнди.

У 62 Эмма в ночи: [роман] / Уэнди Уокер; [пер. с англ. В. Липки]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Двойное дно: все не так, как кажется).

ISBN 978-5-17-982900-3

Однажды ночью две сестры, 15-летняя Касс и 17-летняя Эмма, бесследно исчезли. Следствию удалось обнаружить только их пустую машину неподалеку на пляже...

Три года никто не знал, что произошло. Но в одно прекрасное утро Касс вернулась домой... без сестры. При ней не было никаких вещей. Она рассказала, что той ночью их похитили и удерживали на таинственном острове. В ее версии событий судебный психолог Эбби Уинтер видит явные нестыковки. Эбби мучают вопросы: что скрывается за фасадом такой благополучной семьи? Почему отчим и его сын так странно себя ведут? Какую тайну хранит Касс и что она недоговаривает? Повергнут ли в шок открытия Эбби Уинтер всех тех, кто пытается найти Эмму?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-982900-3

Copyright © 2017 by Wendy Walker
© Липка В., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается моим сестрам и брату —
Бекки, Черил, Дженнифер и Гранту*

Согласно греческому мифу, Нарцисс был на редкость красивым и горделивым охотником. Настолько горделивым, что отвергал всех, кто пытался одаривать его своей любовью. Немезида, богиня мести, решила наказать Нарцисса и заманила его к пруду, где он залюбовался своим отражением. Охотник воспылал безумной любовью к себе и смотрелся в водную гладь до тех пор, пока не умер.

ОДИН

КАССАНДРА ТАННЕР — ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МОЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ

Мы верим во что хотим. И в то, что нам нужно. Не исключено, что между желанием и необходимостью нет никакой разницы. Я не знаю. Вот что мне доподлинно известно, так это что истина может от нас ускользать, скрываясь за предрассудками, белыми пятнами и алчными сердцами, которые так страстно стремятся к покою. Но она оказывается всегда рядом, если мы откроем глаза и попытаемся ее увидеть. Если действительно приложим для этого усилия.

Когда мы с сестрой три года назад исчезли, на всех будто напало ослепление.

Машину Эммы нашли на песчаном берегу. В ней, на водительском сиденье, — ее кошелек. В кошельке ключи. Туфли обнаружались на отмели, у самой кромки воды. Некоторые предположили, что она приехала туда на вечеринку либо повидаться с другом или подругой, которые так и не пришли. А может, просто поплавать. И утонула. Может, случайно. А, может, покончила с собой.

Но все пребывали в полной уверенности, что Эмма умерла.

Что касается меня, то здесь все выглядело гораздо сложнее.

На момент исчезновения мне было пятнадцать лет. В таком возрасте Эмма никогда не брала меня с собой на пляж. В то время она уже заканчивала школу и считала меня лишь досадной помехой. Мой кошелек лежал на кухне. На песке не нашли ни одной моей вещи. Более того, по словам мамы, из дома не пропал ни один из предметов моей одежды. А мамы в таких делах смысла, не так ли?

Но в автомобиле Эммы отыскивались мои волосы, и некоторые ухватились за этот факт, хотя она возила меня в нем бесчисленное количество раз. Ухватились только потому, что если я не поехала с ней на пляж, если не утонула тем вечером в океане, не исключено, что бросившись ее спасать, то куда я тогда подевалась? Нашлось немало таких, кому было просто необходимо полагать, что я умерла, потому что строить догадки и предположения на сей счет было трудно.

Другие терзались сомнениями. Их разум допускал возможность случайного совпадения. Одна сестра приехала на пляж и утонула. Другая либо убежала, либо стала жертвой похищения. Однако беглянки, как правило, берут с собой какие-то вещи. Значит, ее похитили. Но... с такими как мы, подобных ужасов не бывает.

Тот вечер выдался необычный, что давало лишний козырь приверженцам теории совпадения. Мама рассказала всем историю, пленившую аудиторию и позволившую ей завоевать симпатии окружающих в доста-

точной степени, чтобы утолить жажду популярности. Я видела это у нее в глазах, когда смотрела новостные каналы и ток-шоу. Она поведала, что мы с Эммой поссорились, во всех подробностях описав, как пронзительно кричали и плакали ее девочки-подростки. Потом, по ее словам, стало тихо. Когда стемнело, от дома отъехала машина. Она видела ее огни в окно спальни. Когда мама об этом рассказывала, по ее щекам катились слезы, и вся студия хором вздыхала.

В поисках ответов нашу жизнь разобрали по винтикам. Социальные сети, друзья, текстовые сообщения и дневники. Все подверглось тщательному изучению и анализу. Она рассказала, как мы поссорились из-за ожерелья. *Я купила его Эмме перед началом учебного года. Выпускной класс! Такое ведь бывает раз в жизни. А Касс позавидовала. Она всегда ревновала сестру.*

За этой тирадой вновь последовал поток слез.

Пляж расположен на берегу пролива Лонг-Айленд. Особых течений в том месте нет. Во время отлива приходится долго брести в воде, пока она дойдет до колен. В часы прилива волны накатывают на лодыжки столь плавно и нежно, что ты их почти не замечаешь, а ноги не проваливаются в песок, как на побережье Атлантики к северу от нас. Поэтому утонуть здесь довольно трудно.

Помню, я смотрела мамино выступление по телевизору. Из уст ее лились слова, из глаз слезы. По такому случаю она купила себе новый наряд, темно-серый классический английский костюм, и туфли от одного итальянского дизайнера, который, как она нам однажды сказала, был *лучшим и подтверждал наш статус в этом мире*. Я могла с уверенностью это заявить по форме

мыска. В свое время она очень много рассказывала нам об обуви. Не думаю, что ей верили из-за туфлей. Но все же верили. Я чувствовала это даже через экран телевизора.

Может, мы просто не выдержали прессинга нашей частной школы. Может, договорились на пару укоротить себе жизнь. Может, набили карманы камнями, а потом, как Вирджиния Вульф, медленно побрели к своим могилам на дне океана.

Но куда в таком случае подевались наши тела?

Новостные шоу продолжались шесть недель и четыре дня. Мама, какое-то время побыв знаменитостью, вновь превратилась в обыкновенную старую Джуди Мартин — или миссис Джонатан Мартин, как она предпочитала себя называть — до этого миссис Оуэн Таннер, а еще раньше Джудит Льюэн Йорк. Все не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Йорк — ее девичья фамилия, которую она носила, пока не вышла замуж, сначала раз, потом второй. Двое мужей по нашим временам — не так уж много.

Мы с Эммой родились в первом браке, когда она была замужем за Оуэном Таннером. Эмму назвали в честь мамы нашего отца, умершей от сердечного приступа в возрасте семнадцати лет. Мое же имя, Кассандра (сокращенно Касс), мама позаимствовала из книги, которую читала в детстве. По ее утверждениям, оно придает человеку видимость значимости. Некоторые мной восхищались. Другие завидовали. Мне об этом ничего не известно. Но в памяти сохранились воспоминания о том, как она расчесывает мне волосы перед зеркалом в ванной, в восторге любуясь мной с довольной улыбкой на устах.

Взгляни на себя, Кассандра! Тебе всегда нужно носить с собой зеркало — в напоминание о том, как ты красива.

Эмме мама никогда не говорила, что она красива. Они слишком походили друг на дружку, чтобы обмениваться нежностями. Восхвалять того, кто выглядит, ведет себя или носит такую же одежду, как ты, по сути означает восхвалять самое себя, хотя в твоём представлении это выглядит немного иначе. Тебе попросту кажется, что он умаляет твои достоинства и присваивает себе дифирамбы, изначально предназначавшиеся тебе. Мама никогда не позволила бы Эмме украсть у нее столь бесценную реликвию, как слова признания.

Но вот мне об этом она говорила постоянно. Утверждала, что я унаследовала лучшие качества из отцовского и материнского набора генов. В этом отношении она была прекрасно подкована и знала, каким образом у детей получаются голубые или карие глаза, мозги математиков или музыкантов.

К тому моменту, когда тебе, Кассандра, придет время заводить детей, появится возможность самостоятельно выбирать каждую черту! Представляешь? Ах, как бы отличалась моя жизнь от нынешней, если бы эти ученые работали чуточку быстрее! [Вздых.]

Тогда я не понимала, что она имеет в виду. Мне было только семь лет. Но когда она причесывала вот так мои волосы и делилась своими самыми сокровенными мыслями, я слушала с огромным интересом, потому как ее слова наполняли меня радостью от макушки до больших пальцев на ногах, и мне хотелось, чтобы так длилось вечно.

Но это всегда подходило к концу. Мама умела повести дело так, чтобы мы никогда не могли до конца

утолить свою жажду по ней. Когда мы были маленькие, она постоянно спрашивала, считаем ли мы ее красивой, самой красивой из всех, кого когда-либо видели, умной, самой умной из всех, кого нам доводилось встречать, ну и, разумеется...

Я хорошая мать? Самая лучшая, о какой только можно мечтать?

При этом всегда широко улыбалась и так же широко распахивала глаза. Дети мы с Эммой отвечали ей утвердительно самым искренним тоном, на который были способны. Она ахала, качала головой, а потом, наконец, прижимала нас к себе с такой силой, будто не могла сдержать волнения от осознания собственной исключительности, словно была вынуждена выдавливать его из себя ценой невероятных физических усилий. После объятий следовал протяжный вздох, словно она выпускала на волю накопившееся в костях напряжение. Покидая с горячим дыханием тело, это возбуждение заполняло собой всю комнату, наполняя ее душу умиротворением.

А когда она печалилась или злилась на окружающий мир, что он жестоко с ней обошелся и не признал ее выдающихся талантов, нам приходилось повторять вновь и вновь, зная, что это вырвет ее из пучины мрачного настроения.

Ты самая лучшая мама на всем белом свете!

Маленькими мы с Эммой действительно в это верили.

Я помню все эти моменты в виде мелких фрагментов, которые больше не соединить вместе, подобно осколкам разбитого стекла с округлившимися от времени краями. Сильные руки, крепко сжимающие нас

в объятиях. Запах ее кожи. Она пользовалась духами «Шанель №5», утверждая, что они очень дорогие. Прикасаться к флакону нам запрещалось, но порой она протягивала его нам сама и подносила к носикам распылитель, чтобы мы могли вдохнуть их аромат.

Другие такие фрагменты содержат в себе звук ее голоса, когда она кричала и металась в постели, орошая слезами простыни. Я пряталась за Эммой. Сестра смотрела спокойно и изучающе, производя в уме какие-то расчеты. В каком состоянии будет мама, когда мы утром проснемся? Эйфории? Отчаяния? Помимо прочего, я помню чувство, которое тогда испытывала. Оно не ассоциируется с каким-то конкретным моментом и представляет собой лишь отголосок ощущения. Страх по утрам, когда открываешь глаза и понятия не имеешь, что нас ждет в течение дня. Что она будет делать — обнимать нас, причесывать мои волосы или же рыдать в подушку. Это примерно то же самое, что хватать первую попавшуюся одежду, не имея малейшего представления, какое сейчас время года — зима или весна.

Когда Эмме исполнилось десять, а мне восемь, мамины чары стали блекнуть в ярком свете окружающего мира — мира настоящего, в котором она не была ни красавицей, ни умницей, ни хорошей матерью. Эмма стала за ней кое-что замечать и делиться со мной своими открытиями.

Знаешь, а ведь она не права. Совершенно неважно, что за этим следовало — мнение ли мамы о родителях других детей из нашей школы, какой-нибудь факт из жизни Джорджа Вашингтона или же суждение о породе собаки, только что перебежавшей дорогу. Значение